

Последний Фронтир. Том 2. Черный Лес

Автор:

[Вероника Мелан](#)

Последний Фронтир. Том 2. Черный Лес

Вероника Мелан

Город

Какую из жизненных дорог выбрать, чтобы отыскать любовь? На ее «люблю» ответили «нет». Обещала уберечь человека, но не уберегла. После череды несчастий Белинда Гейл решается на отчаянный и, как ей верится, последний шаг в своей жизни – отыскать смерть в бою на границах Черного Леса. Но не туда ли все это время вела ее невидимая тропа судьбы? И не там ли все это время ждет ее тот, кто по-настоящему нуждается в спасении?

Вероника Мелан

Последний Фронтир. Том 2. Черный Лес

Часть 1

Глава 1

Blue Stahli – Mystique

Она неслась в сплошной черноте, не разбирая направления, а враги возникали на пути, как призраки, один за другим. Светящемуся и полупрозрачному мужику в плотной шапке и тяжелой одежде она снесла голову мечом, во второго – вдали – выстрелила из пистолета. От третьего – не человека вовсе, а клыкастой твари – сумела унести ноги, лишь пригнувшись, а после притаившись в тени возникшей на пути каменной гряды. Схоронилась, переждала. Снова бросилась бежать.

- Точка три «В» пройдена, – звучал откуда-то ровный голос.

И почти сразу же тьма рассеялась, просветлела – окружение стало походить на туман. Впереди обрыв – перепрыгнуть.

Перепрыгнула. Почти. Сорвалась по камням, упала на дно – к счастью, неглубокое, – взобралась, как обезьяна, по стене, ободрала в кровь ладони. А на той стороне на земле пять видов оружия: палаш, секира, арбалет, меч, автомат... Что выбрать?

- Быстрее, – гнал голос невидимого собеседника.

Он – Джон – всегда был рядом, всегда следил, но никогда не подпадал под удар, не мешал. Всевидящее Око.

Секира – тяжело, арбалет – долго взводить, меч...

И уже вылетел из мутной пелены очередной враг – зверь, похожий на разъяренного буйвола.

Белинда схватилась за автомат – глухо затарахтела очередь, заходил ходуном под руками приклад.

Зверь рухнул в шаге от нее, напоследок взглянул на нее красным глазом – заплывшим и диким.

- Впереди точка четыре «А»...

Выбившаяся из сил Лин всхрипнула, как загнанная лошадь, бросила ствол, схватила с земли меч и ринулась вперед, пробивая грудью ненавистный туман.

Они вот уже третий месяц тренировались не в Тин-До, а в центральном здании Комиссии, но она все никак не могла привыкнуть, что в закрытом помещении по щелчку чужого пальца вот так запросто перестраивается реальность: обрушивается в овраги пол, корежатся в высокогорья стены, из воздуха налетают опасные твари – пропусти одну, и ты мертв.

Мертв. Наверное. Нет, Мастер Мастеров никогда бы не допустил настоящей смерти, но заставил бы ее за подобную ошибку тренироваться до упада, до полного обессиливания и физического и морального опустошения. Джон не любил ошибки.

Белинда крутилась, отбиваясь от чужих атак, как волчок. С выбрасываемыми поочередно в стороны руками и ногами она походила на обезумевший перочинный нож. Одному по горлу, второму по промежности, третьему стальным пальцем в межреберье...

Ей объясняли: это Пантеон Миражей. Место, в котором изначально нет ничего, лишь материя, по команде разума свыше складывающаяся в объекты. Разумом свыше был конечно же он – Джон. И количеством врагов он не обделял.

За один лишь час тренировки Лин превращалась в дрожащую лужу – мешок с мышцами, едва способный самостоятельно передвигаться, – зато какой результат!

– Отрезок четыре «А» пройден. Выбор оружия...

А на земле лом, грабли и рыболовная сеть. Сеть?!

Сбоку недобро засвистело, захлопало крыльями.

– Противник – не человек. Прощупай энергетическую структуру. Реши, допустим ли бой.

Прежде, чем что-то решать, Лин в панике схватилась за грабли.

* * *

(Lara Fabian – Demain N'Existe Pas)

После тренировки начиналась часть, которую Белинда любила больше всего, – «починка». Ее тела.

Ее в зависимости от полученных повреждений либо укладывали на длинную кушетку, либо просили сесть в неудобное кресло с прямой, но короткой спинкой, а после... ее касались его руки.

В перчатках, конечно же.

Но все-таки.

Белые стены, белый кабинет – всегда пустой и тихий. Много света. Только она и человек в серебристой форме. Ее всегда раздевали почти донага – до тонких эластичных плавок и спортивного бюстгалтера.

– Видишь эту рану? Если бы на отрезке два «С» ты выбрала нож, тебя распороли бы до ребер.

Краев разорванной кожи осторожно коснулся палец; Лин со свистом втянула воздух.

– А если бы метнула копье, сумела бы избежать повреждения.

Она в какой-то мере радовалась, что не сумела, – глупо, но ничего не могла с собой поделаться. Бок, впрочем, саднило страшно.

Но здесь, после тренировок, Джон проводил с ней не меньше часа – латал кости, мышцы и кожу. Касался, поглаживал, на длительное время прикладывал к ней свои ладони. Все по делу – ничего лишнего.

А Белинда испытывала тайный восторг. Старалась не смотреть на того, кто находился рядом, и им же жила – то выхватит краем глаза незакрытый кусочек кожи у воротника, то выбритый подбородок, то тихонько втянет ставший их общим воздух.

Джон почти не пах, и хорошо. Потому что, если бы пах, она сошла бы с ума – сбрендил бы окончательно. Она и так в последнее время лезла к нему с двусмысленными фразами все чаще, и ее, к удивлению, не упрекали и не осаживали. Однако на провокации не отвечали тоже.

– Ложись.

Кушетка под ее весом даже не скрипнула.

Белинда так и не поняла, что ей нравится больше – сидеть или лежать. Когда лежишь – интимнее. Когда сидишь – Джон ближе.

– Ты вовремя распознала, что с последним драться не имело смысла – он был сильнее тебя физически раз в пятнадцать.

Занимаясь ее телом, Джон раскладывал ход прошедшего боя по кирпичикам: хвалил, упрекал, объяснял, как было бы лучше, правильнее, быстрее. Она слушала и не слушала. В его поле, как бывало всегда, она плыла, теряла ясность мыслительных процессов, зато приобретала потрясающую чувствительность. Рядом с ним воздух становился колюче-холодным, зато ее собственное дыхание предательски-горячим. И хорошо, что этот факт никогда не комментировался.

– У тебя вывихнута лодыжка. В настоящем бою недопустимо. Будь противников на один или два больше...

Да где в реальной жизни она возьмет такое количество врагов?

Куда сильнее ее сейчас занимали прижавшиеся к животу ладони – шло сканирование ее ранений.

– От удара смещен позвонок, рвануты два сухожилия, множественные порезы, трещин в костях нет...

Она не слушала.

Между ними сохранилась та нить, которая связала в Тин-До. Все вроде бы было просто: он Учитель, она ученица, однако существовало что-то еще. Всегда сквозящее между ними в воздухе и звучащее сквозь слова, как второй немой диалог, который слышат сердца.

«Слышал ли его Джон? – всегда вопрошала себя Белинда. – Или же это только «ее»? Как узнать, как?»

– Джон...

Здесь она могла называть его по имени.

Тихий вопрос, и его ресницы дрогнули. В глаза ей не посмотрели. Не изменился и ровный взгляд – и теплый, и холодный, строгий, и как будто чуть насмешливый. Станный взгляд – он всегда ее пленил.

– А что Вы делаете этим вечером?

Она уже не в первый раз шагала туда, куда не следовало, но не могла остановиться. Хоть бы один жест, хоть бы дополнительный градус в его глазах, и она рванула бы навстречу.

Человек рядом с ней долго молчал – помнится, когда он впервые явил ей себя в форме, Белинда долго не могла оправиться от шока. Потом приняла это, как данность – ну и что, что Представитель Комиссии? Ведь... учит дальше? Ведь... может быть?

– Работаю.

Отозвался просто и сложно. Сделал вид, что не понял намека.

– А после работы? – его ладони на ее животе вибрировали, и у Лин почему-то чесались пятки. Побочные эффекты быстрой регенерации. – Вы выпьете со мной пива? Я приглашаю.

Он смотрел на нее так долго, что она вновь запуталась во взгляде серо-зеленых глаз, проросла в нем.

- Вы любите кольца кальмаров в кляре?

Ей хотелось знать о нем так много – все, – но на данный момент хватило бы просто «люблю». И сердце обратилось бы бабочкой, и в следующей битве она победила бы за них двоих всех врагов.

- Если Вы освобождаетесь не поздно – «даже если поздно», – я знаю одно хорошее место...

- Назови мне энергоструктуру врагов на отрезке шесть «В».

Лин осеклась.

Вот и все.

Ей никогда не отказывали. И никогда не принимали ее приглашений.

Вздохнуть она постаралась неслышно.

- Энергия текучая, древовидная, плотность от нуля до четырех, разрушительная способность примерно три.

- Четыре.

Ладно. Попробует повторить приглашение на следующей неделе.

* * *

Автобус, идущий на улицу Вананда, попался старенький, дизельный и все время застревал в пробках. Вместе с низким гулом двигателя, передаваясь через жесткое сиденье, дрожали и внутренности Белинды.

За окном снова сентябрь. Как и два года назад – капризный, дождливый, похожий на тот, который она когда-то встречала в Ринт-Круке. Куда утекло время, когда?

Снаружи моросило.

Пассажиров помимо нее и кондукторши, пятеро: долговязый парень в наушниках у двери, морщинистый мужик с потертой тростью напротив, парочка влюбленных на сиденье возле кабины водителя и усталая тетка, глядящая в никуда. Пассажиров пять, а присутствующих ни одного. Парень утонул в словах и нотах, льющихся в уши, мужик жамкал губами и хмурился, вспоминая что-то из прошлого, парочка существовала в иллюзорном мире, выдуманном на двоих. Довольно хрупком, как предположила Лин, глядя на капризничающую по поводу и без девчонку, которая то улыбалась, то поджимала накрашенные губы. Тетка и подавно ушла в печальные грезы о несбывшемся. Кондукторша неприязненно пересчитывала деньги – видимо, дневная выручка оказалась меньше ожидаемой.

И потому в автобусе была одна Белинда. Какое-то время рассматривала остальных, слушала монотонный рокот мотора, стекала вместе с холодными каплями по стеклу. Была здесь и нигде.

Зачем она вернулась во внешний мир? Для чего поспешила возвращаться сюда, где даже поговорить ни с кем не выходит? Она теперь инопланетянин, она теперь устроена по-другому, она может разговаривать, глядя собеседнику в глаза и созерцая душу. Но с кем? Если людские сердца в основной массе закрыты плотной пеленой бесконечных желаний и недовольства от того, что все эти чудесные, на первый взгляд, желания не спешат претворяться в жизнь. И отсюда раздражение, тоска, кусачие слова, бесконечные обиды, злость...

Она была такой же. С «подселенцем» в голове, окруженная паутиным коконом стрессов, смертельно уставшая от борьбы с жизнью и самой собой.

«Она могла такой и остаться...»

Могла. Но долгие год и восемь месяцев, наполненные тренировками, медитациями и гармоничным, хоть и непростым режимом, не прошли даром.

Тин-До.

Белинда до сих пор вопрошала себя, зачем ушла оттуда так скоро? Могла задержаться еще на пару лет, но не задержалась, вдруг однажды в солнечный полдень, стоя на гребне холма, где всегда исполняла танец тела, с кристальной ясностью поняла: ей пора. Пора двигаться вперед, уходить из безопасной и привычной бухты, начинать применять полученные знания на практике. Зачем учиться грести, если не выходить в море?

Что ж, вот оно – море. Укрытый сумерками город, запруженные машинами дороги, чужая спешка и куча замков – не на внешних дверях, на внутренних. Быстро или медленно автобус мчит ее к дому. На телефоне нет новых смс, и, значит, сегодня не на работу.

Гудели после тренировки мышцы – несмотря на то, что Джон латал раны, усталость все равно наваливалась на Лин после часа в тренировочном зале невидимым плотным покрывалом. Ничего, доберется до дома, заварит чаю, а потом поспит – имеет право.

Парень в наушниках вышел за остановку до ее собственной; пробки рассосались сразу же, стоило маршруту номер четыре покинуть центральную часть города. Дальше три километра по прямой, а от последней остановки семь минут пешком под дождем. Ничего, ей не привыкать. Поднялся, приготовившись выходить, и мужик с тростью; кондукторша апатично созерцала окрестности сквозь умытое щетками лобовое стекло.

– Только до Рутгера Брамса, – раздался в динамиках голос водителя. – Маршрут укороченный.

Значит, еще плюс десять минут ходьбы. Раньше бы Лин мысленно выругалась, костеря на чем свет стоит поганых водителей и их привычку ничего не сообщать заранее. Теперь спокойно поднялась с места, накинула на голову капюшон, взялась за поручень. Вскользь отметила грусть от того, что Мастер Мастеров и в этот раз проигнорировал ее приглашение провести время после работы вместе. Вздохнула, ощутила, как родившаяся в глубине униженность взглянула на нее черными злыми глазами – мол, отпусти, не держи, – и Белинда мысленно распахнула клетку вокруг сердца. Ни к чему держать внутри стрессы – чем быстрее те уходят, тем меньше вреда причиняют. Шагнула на улицу, когда скрипучие дверцы разъехались в стороны, молча забалдела, втянув в легкие

сырой, пахнувший размоченной землей вечерний воздух. Быстро зашагала по грязной обочине к улице Вананда – туда, где в тупичке ждал возвращения временной хозяйки крайний перед пустырем дом.

Тогда.

(Ashram – All' imbrunire)

– Значит... пора? – карие глаза Рим сделались непривычно глубокими. Конечно же, только на мгновение. – Знаешь, а ты продержалась здесь гораздо дольше, чем я думала. Малявка.

И в ухмылке обнажились кривые зубы.

Лин улыбнулась тоже. Они вновь сидели на самом верху, там, где за колоннами прятался ветер, смотрели, как холмы обнимает закат. Уриманна привычно смолила самокрутку мелкими нервными затяжками. Белинда к тому времени не курила – бросила.

И они обе знали, что Лин уже давно не «малявка» и что она способна уложить одной левой и Лума, и отличника в боевых искусствах Тугала, и даже, скорее всего, Бурама. Если бы им однажды предложили выступить друг против друга. Ведь Мастер Мастеров не шутник, и, если учил, то учил хорошо, а Лин его тренировки не пропускала ни разу.

– Пойдешь, значит, в город? Уже знаешь, в какой?

– Не знаю, – ответ получился хриплым, неуверенным. Белинда до сих пор не понимала, зачем вняла голосу интуиции, зачем восприняла позыв уходить из Тин-До всерьез.

Над крытыми лесами холмами воцарилась первозданная безмятежность. Еще не отцвел на полях схровник, еще жужжали в воздухе шмели и стрекотали теплыми ночами цикады.

Рим тщательно прятала за маской равнодушия растерянность. Все-таки долго вместе.

– А Мастер Шицу что сказал?

– Что я знаю дорогу назад, если что.

И ухмылка на узком лице подруги расплылась шире.

– Тебе всегда везло – все двери для тебя открыты.

– Ну да, я же «халявщица».

А внутри ни капли обиды или злости, лишь тягучее сентиментальное спокойствие. И та самая сладкая грусть, когда понимаешь, что было хорошо, но уже не вернуть. Над Тин-До застыли золотистые облака.

– И это несмотря на то, что ты испортила им Тхар.

– Да я потом им пять новых Тхаров зачищала.

– Фигня, не считается.

– Тебе никогда ничто не считается.

Они препирались, как в самом начале. Раньше враги – теперь подруги. И чувствовалась, что Рим неуютно будет одной, в чем она, конечно, никогда не признается. Молчаливо и жадно распахивал на бритой голове пасть дракон; чиркнул о каменный пол край бычка – разлетелись искры.

– Ты... это... – и Рим, что случилось редко, стала вдруг честной, серьезной. – Ты ведь знаешь, что я твой друг?

Белинде хотелось закрыть глаза и зачем-то растянуть этот миг, где она сидит на теплой крыше, привалившись спиной к колонне, на очень-очень долго.

- Знаю. Я тоже твой друг.

- И судьба, она, если будет нужно, сведет нас снова.

Да, сведет. А у них ничего, чтобы обменяться – ни адресов, ни телефонов.

- Я знаю, Рим, все знаю.

Голова с ирокезом качнулась; расстроено поджались тонкие губы. Именно сейчас им страшно не хотелось расставаться друг с другом – не вот так скоро, без предупреждения, без моральной подготовки. Но обе вроде бы сильные, мудрые – справятся.

И нечего добавить.

- Но ты ведь еще побудешь здесь пару дней? Пока собираешься?

- Да, пару дней побуду.

- Здорово. Я успею плюнуть тебе в тарелку с лапшой.

- Угу. И пернуть через матрас.

И они рассмеялись. А после, оставив ласковый ветер гладить колонны в одиночестве, зашагали к полуразвалившейся винтовой лестнице.

Сейчас.

(Ashley Wallbridge feat. Elleah – These Walls (Album Mix))

На старенькой оцарапанной сковородке разогревалось масло.

Белинда достала из холодильника охлажденное куриное филе, которое прикупила утром. После выставила на стол сметану, кусочек сыра, хлеб. Помыла помидоры.

Замороженные продукты, полуфабрикаты? Раньше – может быть. Теперь – никогда. Пища являлась слишком важным атрибутом поддержания здоровья и сил, чтобы можно было, как раньше, пихать в себя мертвые, заполненные красителями и консервантами калории. В прошлом, пожалуйста: чипсы, котлеты из коробки, заказ пиццы на дом – все, приготовленное или автоматами, или чужими руками и чаще всего без души. Более она так не рисковала – научилась относиться к своему телу бережно.

Плита – почти что единственный предмет интерьера ее просторной кухни, помимо мойки и холодильника, – работала отлично; минуту спустя масло уже пахло и пузырилось. Лин покидала в него кусочки филе. Принялась чистить одну из трех картофелин, найденную в пакете на нижней полке холодильника. После поставила на дальнюю конфорку алюминиевую кастрюлю с водой.

Посуда досталась ей вместе с домом. Надолго ли?

Джон не сказал.

Тогда – будто в прошлой жизни, – когда она приняла решение уходить из Тин-До, ее волновало лишь одно: смогут ли они продолжить тренировки? Она научилась существовать без всего: комфорта, друзей, общения, ненужных потребностей, научилась довольствоваться малым. Но взвыла бы волком, узнай, что на этом ее общение с Мастером Мастеров прекратиться навсегда.

Собственно, она и взвыла, потому что решила, что именно так и будет. Помнится, в последние дни ходила серая лицом и молчаливая, как тень. Не могла понять, как ей жить без того, что сделалось смыслом ее жизни.

А после в хитросплетении коридоров – вечером накануне ухода – ее отыскал Бахрай. Сказал: «Девка, тебя в комната ждать. С печка». Она поняла бы его на манольском, но плосколицый мужик с косичками и в халате предпочитал изъясняться коряво, но на ее родном языке.

– Кто?

И на нее загадочно зыркнули, приподняв лохматую бровь.

В комнату с печкой она неслась, скользя по плитам и не вписываясь в повороты.

Именно там, в душной и натопленной каморке, Джон впервые предстал перед ней в серебристой одежде с белой полосой на рукаве, и Лин, помнится, поначалу обессилела от ужаса и накатившей вдруг дурноты. За ней все это время следила Комиссия? Она в чем-то провинилась? Что... вообще... происходит?

А ее собеседник не стал ничего пояснять. Лишь поинтересовался:

– Все поняла?

А она почему-то боялась смотреть ему в лицо. Сидела на краю койки, сжавшись в комок, и отводила глаза. Затем кое-как взяла себя в руки, чуть осмелела, спросила нервно:

– Вы ведь не пришли... за мной?

– Нет.

– А теперь уйдете? Насовсем?

В ответ пренебрежительно фыркнули:

– Все, тренироваться больше не хочешь?

– Не хочу?! – и она забыла про всякий страх. – Хочу! Больше всего на свете хочу.

– Тогда – вот, – и в ее сторону полетел серебристый ключ. – Нордейл, улица Вананда, дом восемьдесят семь. Пустует. Можешь пока занять.

Ключ она поймала жадно, как выплунутую золотой рыбкой волшебную монету.

Дом оказался деревянным, простым, одноэтажным. Почти без мебели, зато с ровной площадкой на заднем дворе, подошедшей для ее занятий, и высокими от пола до потолка окнами. От окон, хотя вид из них открывался так себе – забор из сайдинга, а дальше поле и овраг, – Лин балдела особенно.

Здесь было пусто, тихо и... замечательно.

До той поры она не подозревала, что однажды окажется так далеко от расположившегося на краю Четырнадцатого Пембертона. За тысячи километров, аж в северной Столице.

Но Джон сказал, что здесь ему удобно. И этого хватило бы для того, чтобы она переехала куда угодно.

Курица шкворчала, пузырилась в масле и собственном соку; Белинда снова и снова думала о том, чьи руки сегодня снова касались ее тела.

«Надо сказать ему...»

Да, надо признаться во всем – что дура, что чувствует слишком много, что... Черт, давным-давно нужно было набраться храбрости и расставить все точки над «і». Услышать, что идиотка, что ничего не получится, увидеть равнодушие в серо-зеленых глазах или же сочувствие. В общем, увидеть что-то, что раз и навсегда обрубит в ней росток пробивающейся надежды. Эта самая надежда чрезмерно долго скребла душу и порождала в голове фантазии о том, чего не может быть никогда. Выпивала все душевные соки желанием обнять того, кто, наверное, и не помышлял о таком. Так больше нельзя – больно. Сегодня она ляжет в постель и перед тем, как провалится в привычную пустоту, вновь позволит себе несколько минут представлять запретное. Терзать собственное сознание, как мазохист.

Представив, насколько густой ушат говна, будь она прежней, вылил бы на нее «подселенец» за подобные мысли, Белинда усмехнулась.

А после прозвенел звонок.

Прежде чем двинуться в сторону двери, она вытерла руки полотенцем и выключила плиту.

(Blue Btali - I Am the Beast)

Раньше.

Сколько всего изменилась с этого пресловутого «раньше».

Раньше бы она вообще не двинулась в сторону двери, находясь дома в одиночестве, – перепугалась бы, что за ней окажется незнакомец/насильник/маньяк, – теперь же распахнула ее, не спросив «кто там?»

А «там» стоял Кей Рамчини – ее коллега по работе. Невысокий, жилистый, в пропитанной дождем синей куртке и влажными волосами. Вьющиеся черные локоны не добавляли очарования владельцу желтоватой кожи и слишком узкого лица. Лин он не нравился.

– Здорова.

С улицы дохнуло стылой моросью.

Одетая в домашние трико и майку, под которой отсутствовал не нужный ей вечером бюстгальтер, Лин не шелохнулась.

– Цель визита?

Спросила ровно, как робот. Не улыбнулась, не попыталась повилать хвостом, лишь потому что коллега, – давно отлепилась от желания производить на кого-то ненужное впечатление.

– Поговорить – такая цель пойдет?

Кей ухмыльнулся криво, почти гнусно, и его передние зубы, напалзающие друг на друга вдруг напомнили ей о Рим.

– Я пройду или нет?

Отодвигаясь в сторону, Белинда подумала о том, что для того, чтобы вырубить нежеланного гостя, ей понадобится примерно две секунды.

– А хорошо у тебя тут, просторненько.

Рамчини топтал пол ее гостиной, не сняв ботинки, – на досках отпечатывались мокрые следы.

Она уже поняла, что у этого не самого тактичного мужского образчика имелась слабость к равнодушным к нему женщинам. Либо к женщинам с полным отсутствием форм, как в ее случае.

– О чем ты хотел поговорить?

– А ты торопишься? У нас же вроде есть время?

Ей вдруг представилось, как она будет его вытаскивать на улицу, если вырубит посреди гостиной. Ей не нравились ни его наглые черные глаза, ни этот ощупывающий фигуру взгляд, ни слишком поздний при отсутствии приглашения визит.

– Я собираюсь ужинать.

– Вот! – Кей комично выставил вверх указательный палец. – Об этом я и хотел поговорить. Может, сходим в ресторан?

Лин сложила на груди руки, потому как выделяющиеся через ткань соски, по-видимому, оказывали на гостя магнетическое воздействие.

– Можем. Но ем я молча.

– Почему?

Она могла бы ответить «по кочану», но промолчала. Бесмысленно тратить слова и смыслы на того, кто их все равно не улавливает.

– Я смотрю, у тебя тут курочка? Может, тогда поедим у тебя?

– Я приготовила на одного.

Вместо того, чтобы внять намекам, Кей деловито кружил по гостиной – разглядывал сначала воткнутые в горшок с песком палочки, которые она на несколько минут поджигала перед сном. Нет не «духи гнать», но прихоть. После молча глазел на прикрепленный к стене затейливый рисунок мандалы, который подарил ей Шицу.

– А ты странная, да?

Его взгляд переместился на расстеленное прямо на голом полу одеяло – ее спальное место. Ухмылка неуловимо изменилась на неприязненную.

– Неласковая совсем.

– Совсем, – очень ласково ответила Лин.

– Ладно, – с фальшивой легкостью отмахнулся Рамчини. – Не хочешь в ресторан – как хочешь. Слышь, а ты правда во дворе вырыла яму, чтобы прыгать в нее по утрам? Прямо, хоп-хоп-хоп?

И он пальцами с утолщенными от постоянных ударов костяшками изобразил человечка, запрыгивающего и выпрыгивающего из ямы.

Ответом ему вновь послужила тишина.

Кей покинул ее дом минуту спустя, прикинувшись, что не покороблен поведением хозяйки.

Белинда захлопнула дверь с выражением крайнего отвращения на лице.

Глава 2

(Gossip – Heavy Cross)

Каждый новый день начинался для нее так же, как в Тин-До, – с пробежки. Жара, туман, дождь или слякоть – все это более не имело значения. Белинда выскакивала через дальнюю в заборе дверь и неслась (пустырь – лес – вокруг оврага), пока не выдохалась. А, учитывая, что теперь она почти никогда не выдохалась, побуждающим сигналом к возвращению служила стрелка на часах.

Далее круг из обязательных упражнений уже во дворе: отжимания, подтягивания, прыжки с поджиманием коленей, кросс с преодолением препятствий, ледяная купель...

Если бы вчера Кей смог рассмотреть через окно ее оборудованный под спортивную площадку двор (Джон дал добро), то назвал бы ее уже не странной, а сумасбродной.

Она и сама себе иногда казалась таковой.

Зачем с каждой новой зарплаты рыть во дворе ямы, устанавливать турники, втыкать в землю бамбуковые палки с подвесными мостами? Зачем тренироваться до изнеможения, когда можно, например, поспать до обеда? Ведь здесь некому упрекать – Мастер Шицу далеко.

Собственно, он не упрекал и раньше.

Но совесть бдела.

Как и Мастер Мастеров.

Лин больше не могла не тренироваться – ее тело знало и умело слишком многое, чтобы слить все это в угоду лени. Каждое занятие – не просто заряд бодрости, но уже насущная необходимость до налитых и голодных по движению мышц. Каждое активное движение – набор энергии огня, купание в самодельном бассейне – балансировка энергией воды. Далее растирание – голышом и на свежем воздухе, после танец стихий и поклон земле.

Рамчини вообще не зашел бы к ней в гости, если бы видел с каким упорством и сжатыми от упрямства зубами Белинда по два часа сидела на шпагате, а после, напоминая приваленную к стене статую, медитировала.

Не зашел бы?

И черт с ним.

Завтракала она тем, чего хотело тело, – неторопливо оглядывала холодильник и внимательно прислушивалась к внутренним ощущениям: хлеба, сыра, творога? Не ограничивала себя ни в чем и не переедала. Кивала интуиции даже тогда, когда та просила странного – возникала вдруг в воображении морковь, корень редьки или оливковое масло. Если продукта в холодильнике не было, приходилось совершать дополнительный рейд в магазин.

Этим утром обошлось – выбор пал на мягкий творог с зеленью и кусок свежего хлеба с маслом. Все есть, хорошо.

Если на работу не вызовут, через часок она приступит к отработке ударов стальными пальцами, а после на полчаса нырнет в сложную и уже такую нужную тишину.

Смс: «Водитель приедет за тобой через пятнадцать минут» пришла тогда, когда Лин допивала чай.

Они всегда присылали за телохранителями машину. Обязывали всех, кого принимали в штат охранного агентства «Кордон», носить маячки. Белинда носила его тоже, и водитель зачастую встречал ее у выхода из магазина, парка

или, как теперь, за воротами собственного дома, где она уже ждала его, одетая в неприметную темную одежду. В офисе ей назовут сложность сегодняшнего задания, а также подготовят подходящий случаю гардероб.

Машина всегда штатская, водитель сухощавый неприметный мужичок – нигде логотипов «Кордона». Они не светились.

– Доброе утро, мисси.

– Доброе, Джим.

Она плюхнулась на заднее сиденье и поежилась от холодного кожаной обивки.

Центральный офис «Кордона» располагался в центре города, но ее повезли не к нему – к западной окраине Нордейла, складским помещениям, в одном из которых для них оборудовали специальные территории: учебную часть, штаб, гардеробную, оружейную, а так же тренировочный зал, который она никогда не использовала. Предпочитала заниматься самостоятельно у себя во дворе.

«И с Джоном».

Бонни не протестовал. Бонни вообще оказался на удивление проникательным типом.

Бонни Трайт. Невысокий, не перекачанный, со светлыми вьющимися волосами и с прозрачными, резонирующими с небом голубыми глазами. Глядя на него, никто не узнал бы в нем бойца, но бойцом он являлся. Отменным. Как и руководителем.

Когда она вошла, Трайт уже восседал за столом, читая распечатанные документы.

– Приветствую, Белинда.

– И вам здравия.

Она прошагала к столу, остановилась, ожидая пока шеф закончит чтение, и не в первый раз принялась рассматривать довольно симпатичное лицо, которое не портила примостившаяся у носа бородавка. Но внутри, как и прежде, ничего не екнуло – не ее тип.

– Сегодня должно быть просто. Категория «А», сложность два. Сопровождение бизнесмена на сделку. Тебе придется там поторчать, а после убедиться, что он благополучно добрался до дома. С ним будут еще двое – его собственные.

Лин могла бы спросить: «Для чего ему мы, если там уже двое?» Но не спросила. Людям свойственно за себя бояться, и потому перестраховываться. Видимо, те двое не стопроцентно надежные парни.

– Ясно. Одежда?

– Чинная, деловая. Тебе уже приготовили блузку и костюм. Переодевайся, оружие получишь на складе.

* * *

Ей платили от двух до семи тысяч за сопровождение – бешеные деньги. Две, если все прошло спокойно, больше, если во время выполнения задания проявлялся предотвращенный ей впоследствии фактор риска, максимальную сумму, если спасла заказчику жизнь.

Жизнь она еще не спасала ни разу – в ее смены на клиентов не покушались (пока), а вот те самые риски изредка проявлялись. Однажды ей пришлось отвести с пути душевнобольного, который почему-то решил, что Джед Олсон, которого она в тот день охраняла, является виновным в моральной травме женщины по имени Дринна. Олсон позже признался, что ни о какой «Бринне или Дринне» он слыхом не слыхивал. Белинда аккуратно уберегла его от проблем и получила в тот вечер четыре тысячи вместо двух. В другой раз она не позволила клиенту войти в лифт, который был испорчен и позже сорвался с верхнего этажа в шахту – как узнала об угрозе? Сама не знала – почувствовала и доверилась интуиции. Наверное, это все Тин-До и жизнь в монастыре, а еще тишина во время медитаций, которая учила ощущать пространство. Так или иначе, вечером в офисе ей досталось пять с половиной тысяч новеньких хрустящих долларов –

Бонни был доволен, как сытый питон. Подобные случаи держали репутацию «Кордона» на высоте, и шеф на деньги не скупился. Все счастливы.

Да, Рим оказалась права в одном: навыки бойца открывали двери в мир иных профессий – более опасных, но и более привлекательных, а также высоко оплачиваемых. Но ошиблась в другом – в том, что для получения рабочего места хватило бы одного только «диплома» Тин-До.

Белинде за место под солнцем в жестком бизнесе пришлось побороться.

* * *

Дондик Чертлен.

Лин сочла это имя дурацким и уже какое-то время задавалась вопросом: «А как называла бы Дондика любимая женщина?» Донни? Додди? Дуди? «Ты моя Дулечка...» Бред, пусть и ласковый.

Чертлен на сидящую позади и зажатую двумя громилами по бокам Белинду не смотрел вовсе – он потел. Изредка протирал толстую шею потерявшим свежесть платком, звякал цепью, соединяющей его запястье со стальным чемоданом, ворчал на водителя из-за скорости и бросал недовольные взгляды на циферблат золотых часов.

«Выйди пораньше, если боишься опоздать».

Дондик явно опаздывал.

Очередной бизнесмен, очередная встреча. Для Белинды – работа, после которой ей заплатят немалые деньги, и потому вместо глупых мыслей ей следовало сосредоточиться на знакомых уже рисках – на окружении.

Вместо того чтобы бороздить окрестности пристальным взглядом, Лин закрыла глаза и сосредоточилась на ментальном рельефе пространства – чувствует ли опасность?

Слева от нее презрительно хмыкнули – один из «шкафов» решил, что она прикорнула прямо в машине.

Спустя полминуты ее толкнули в бок.

Белинда не пошевелилась и глаз не открыла.

От встречи веяло скукой. Дондику докладывали о том, что «товар доставлен на склад»; бесконечно звонил в кармане его пиджака сотовый, надрывался словами песни «А ты одна такая, а я тебя...»

«Что я тебя?» Любил? Убил? Хотел, но так и...?

Дальше слова музыкального отрезка прерывались.

Лин сидела в углу хорошо освещенного панорамными окнами офиса, расположенного на двадцать четвертом этаже небоскреба «Тойрон», и наблюдала за присутствующими, трое из которых занимались подписанием бумаг, а еще четверо сверлили друг друга злыми глазами – телохранители обеих сторон.

Ее разум пребывал в покое.

Дверь заперта – за ней длинный коридор – шаги услышит издалека; зданий напротив «Торона» не существовало – снайперский выстрел исключался.

Текли своим чередом минуты солнечного дня.

Где-то далеко отсюда, дома, ее ждала уличная купель, обед и жесткая лежанка. До встречи с Джоном долгих шесть дней.

Если бы она вновь однажды встретила Рим, то обязательно сказала бы: «А знаешь ли ты, что баб в бойцовском деле все-таки не любят? И Ума-Тэ был прав...»

Сказала бы. Не скажет, потому что Рим далеко – наверное, все еще в Тин-До – гоняется по утрам за Бурумом, отрабатывает удары на узкоглазых учениках, плюет в одиночестве на пол крыши, прежде чем погасить бычок.

А, может, Уриманна уже далеко оттуда – не узнать. Однако, выдайся им совместный вечерок в баре под кружку пива, Лин обязательно поведала бы подруге историю о том, как по прибытию в Нордейл искала работу. Не историю даже – целый квест.

* * *

– Мне только что сообщили, что в прибывшем грузе не хватает пяти позиций.

Перестали шуршать в пальцах пересчитываемые купюры. Тишина в кабинете сделалась вязкой и запахла потенциальной гарью. Сквозь полуприкрытые веки Белинда на сверхсветовой скорости просчитывала возможные варианты нежелательного развития событий. Самый молодой телохранитель ее смущал – неуверенный, дерганный.

От такого жди беды...

– Так дела не делаются, Контон, ты знаешь об этом?

Контон – мордастый чернявый мужик, направивший Дондику груз, набычился, зло поджал губы:

– Я отправлял тебе все.

– Мне только что сказали...

– Мне похрен, что тебе сказали, – я отправлял все!

Что «все», Лин не имела понятия, но не отрывала взгляда от молодого нервного «шкафа», щеки которого уже покрылись неровными пятнами, а рука потянулась к кобуре. Она напряглась.

– Твои люди плохо считают! Прикажи им заново осмотреть товар...

– Мои люди отлично считают, но если ты решил...

– Я никогда никого не кидаю, понял меня?! – Контон подался вперед и поставил массивные кулаки на стол. – Может, это ты решил оставить себе груз, а заодно и деньги? Тогда, знаешь ли, будем действовать иначе...

И молодой, будто услышав призыв действовать, потянулся к пистолету, взялся за кобуру. И следом за ним за кобуры похватались все.

Время для Белинды тут же растянулось, сделалось едва ползущим и текучим – она сгруппировалась на стуле, приготовилась к очень быстрому и точному прыжку. Потому что молодой – дурак, он выстрелит, потому что страшно боится первым получить пулю...

Из кармана пиджака зазвучала песня «А ты одна такая...», но Чертлен на телефон не обратил внимания. В этот момент он увидел, что стоящий позади Контон парень в костюме уже целит в него.

– Ах ты... – раздался пронзительный визг.

Запуганные дураки. Не умеют трактовать жесты и мимику других верным образом, идиоты...

Но было уже не до размышлений.

Белинда прыгнула за секунду до того, как пальцы подавили курки – снесла стул, а вместе с ним и Дондика, который рухнул на пол.

Выстрелы раздалась почти синхронно.

Она не обязалась спасти жизни ни Контону, ни «шкафам», и потому за дверь войлоком, проскальзывая подошвами ботинок по натертому воском паркету, вытащила только жирняка-Чертлена. После чего заблокировала дверной замок отмычкой.

Тот факт, что люди Дондика действительно обсчитались – часть товара прибыла с другим грузом – выяснился позже. Но то были уже не ее проблемы.

Чертлен проехал с ней до офиса, лично обрисовал Бонни ситуацию и премию за спасение жизни Белинде выплатил своими.

Почти весь обратный путь в автобусе домой Лин потряхивало от адреналина и пережитого напряжения. Она сумела, успела.

«Идиоты, проклятые идиоты...»

Смотрела на темноту за окном, силилась унять внутри тряску и дребезг, морщилась от того, что даже потонувший в сумерках мир казался слишком ярким, болезненно-царапающим мозг.

Дондика домой провожали другие. Что стало с телохранителями, она не знала.

В кармане хрустела пятерка Дондика и честные семь от шефа.

Таких денег за день она не зарабатывала никогда.

* * *

Два года назад она была обычной женщиной – слабой, неуверенной, человеком с нестабильной психикой. Уходило это не сразу, постепенно, – растворялось в том воображаемом безмолвии, в котором она научилась тонуть почти без страха. Стать стабильной Белинда помогла себе сама. Стать полноценным бойцом ей помог не хмурый Бурам, не спарринги с учениками и даже не Шицу мудреными речами, но по большей части Джон. Все, что творилось в ее сознании после тренировок, она до сих пор не могла охарактеризовать одним словом – там шла сложнейшая перестановка блоков. Иногда часами напролет, иногда сутками. Жизнь текла своим чередом, а кубики, шестеренки и невидимые пластины меняли подолгу положение где-то на фоне. Сей процесс она не могла ни толком увидеть, ни даже отчетливо почувствовать, ни, тем более, каким-либо образом на него повлиять. Лишь твердить себе, что все идет верно, что к лучшему.

За два года изменилось многое – все: ее сознание, отношение к жизни, к чужим словам и поступкам, а также к своим собственным. Изменилось тело, его умение воспринимать информацию на клеточном уровне. Она, пусть не подолгу, умела теперь жить с открытым сердцем... Было бы еще для кого.

Белинда не научилась одному – жить для самой себя, стать себе полноценно нужной.

Но на то и время в виде жизни – длинный и непрерывный урок.

Когда ей, разместившей объявление в газете: «Ищу работу, обучена боевым искусствам» – предложили должность охранника торгового зала в супермаркете (наблюдать за покупателями, проверять ассортимент покупок при срабатывании сигнала контроля), она поначалу обрадовалась, но быстро сообразила – тело скиснет. Ему теперь требовалось гораздо больше, нежели стойка в течение восьми часов с редким перетоптыванием на уставших ступнях, – ему требовались настоящие тренировки. Напряжение, адреналин, занятия и, значит, свободный график работы. Чтобы утром пробежки, чтобы днем медитации, чтобы вечером тренировки. Пусть не каждый день, но все же. Так же поняла Белинда другое: о документе из Тин-До она в газете не упомянет (доверилась интуиции), а, если не напишет, значит, из серьезных контор к ней не обратятся.

Она оказалась права. Пришлось побегать.

(Gossip – Get a Job)

Первым частным охранным предприятием, куда она пришла самостоятельно, явилась фирма под названием «Блок-5».

Местный директор, имени которого она даже не узнала – сухопарый и желтолицый сморчок со злыми глазами, – при виде ее «диплома» из Тин-До лишь цинично фыркнул.

– Это что такое? Где это место? Сама, может, напечатала? Выглядит красивенько. Но бабы, знаешь ли, редко умеют драться.

Пренебрежительно отодвинув ее бумагу к краю стола, он продолжал говорить что-то обидное, но Белинда его не слушала. Она вдруг, чего с ней не случилось вечность, моментально вскипела и положила обе ладони на чужой стол, подалась вперед:

- Подготовку можно проверить, - давай, мол, действуй.

- Ух ты! - даже обрадовался сморчок. - Проверить, говоришь?

И он сделал то, что она запомнила на всю оставшуюся жизнь - резко и почти незаметно выбросил правую руку вперед.

Она поймала ее в пальцы-капкан возле своей ключицы. Сжала до боли.

- Урод, - выдохнула холодно. - А ты знаешь, что мог бы сломать мне ключицу?

Этот придурок либо не рассчитал силу удара, либо намеренно собирался жестоко ударить женщину, чего она с некоторых пор терпеть не намеревалась.

- Отпусти! - гном с черными волосами и нездорово-желтой в свете единственной лампы кожей попытался выдернуть схваченную руку. Не тут-то было.

- Мудак.

И она провернула чужое запястье - совсем чуть-чуть - до слабого треска костей.

- Вали отсюда, сука! - орали ей вслед. - Вали и больше никогда не возвращайся!

К выходу она шла спокойно, аккуратно засовывая свернутый диплом во внутренний карман.

Вторая попытка оказалась успешней.

Но ненадолго.

Название агентства подкупало – «Щит», – расположение офиса тоже. Самый центр города, отдельное здание в три этажа – внутри все чисто, сверкает и сияет. Престижно.

На этот раз на ее диплом взглянули с откровенным удивлением и даже уважением. Но и с недоверием тоже.

– А где он располагается этот храм, скажешь?

– Нет.

В Тин-До приводила судьба, Мира, Духи или кто-то там еще... Но точно не ученики.

В чистом и просторном кабинете напротив нее сидел настолько же «престижный», как и сам офис, директор – лицо компании. Перекачанный до вздутого мяса некий Итан Кросс, которому вся одежда казалась малой. Торопилась отлететь в сторону горловая пуговицы рубахи, растянулась на широченных плечах вязка тесного пуловера.

Белинда по опыту знала: люди с избыточной мышечной массой уступают в скорости боя и реагирования «сухарям». И потому директор, скорее всего, сам телохранителем уже давно не являлся. Так, имиджевый представитель.

Итан продолжал внимательно разглядывать ее диплом – сложную вязь рамки, тер края бумаги, будто проверял на прочность и плотность, разве что не принюхивался. И все пытался выведать о Тин-До больше. Возможно для того, чтобы позже отправить туда кого-нибудь из своих ребят.

– Так, значит, прямо закончила?

– Получила то, что требовалось.

– И там тренируют монахи?

Она сдержанно кивнула.

- Ну, хоть в каком городе он есть, скажи?

«Сам узнаешь, если будет нужда».

Лин в ответ молчала. А перевозбужденный Кросс ерзал на стуле.

- Слушай, милочка, ты принесла очень редкую бумагу. Я таких за свою жизнь не видел. И потому...

«... я тебе не верю».

Его недоверие читалось в круглых, глубоко посаженных глазах.

- Знаешь, вот, если бы ты принесла мне тест «М-23», я бы и то меньше сомневался.

- Что это такое?

Она нахмурилась.

- Это тест Комиссии, который почти никогда не проходят люди. На выносливость. Вот эту бумагу я в своей жизни видел. Правда, на фотографии.

С недобрым уже предчувствием Лин предложила:

- Можно устроить проверочный бой.

- Ой, - тут же отмахнулись от нее. - Мужики, они знаешь, пощадят женщину, даже если сделают вид, что дерутся в полную силу. Сейчас поддадутся, а потом пострадает репутация.

Ей было непонятно, для чего поддаваться и почему по бою для Итана невозможно определить навыки.

- А если бы я принесла «М-23»?

- Ты? Принесла бы?

- Да.

- Вот тогда и поговорили бы.

К Джону она отправилась в тот же день.

Мастер Мастеров вышел к ней – подтянутый, деловой. Оторвался от своих дел.

- Слушаю тебя.

На улице жара – она в футболке и широких штанах. А в здании Комиссии прохлада, все в форме. Лин поежилась.

- Джон, скажите,... а существует ли возможность пройти тест «М-23»? Правда, я не знаю, что это такое.

- «М-23»? – серо-зеленые глаза смеялись. – Уверена, что он тебе нужен?

- Требуют при приеме на работу.

И человек напротив неувовимо изменился в лице. Будто за долю секунды успел подумать о том, а не помочь ли ей с трудоустройством, но решил, что ее самостоятельные собственные достижения будут ценнее.

Пытливо взглянул на нее, вздохнул укоризненно и как будто с насмешкой.

- Знаешь, «М-23» обычно проходят только мужчины из отряда специального назначения. Уверена, что хочешь испытать свои силы?

- А Вы верите, что я смогу его пройти?

Насмешка во взгляде пропала. Появилась сталь, а вместе с ней странное овеявшее ее изнутри тепло.

– Верю.

– Тогда допустите.

Джон допустил.

И после того марафона, который длился почти сутки и во время которого она, как бешеная, бегала, прыгала, плавала, взбиралась на километры вверх по разрушенным зданиям, а после спускалась с них (и все это на время), Лин проспала шестнадцать часов подряд.

Бумагу ей выдали.

Красивую, с красивой голограммой, с ее именем под строгим названием «Комиссионный Тест на выносливость. Категория: люди».

«Люди». Как будто «М-23» проходит кто-то еще...

И на следующий день, распираемая от гордости за саму себя, она отправилась в «Щит».

Недоверие на лице Итана на этот раз проступило крупными буквами – где-ты-это-взяла?!

И видно было, что вопросов у Кросса десятки, если не сотни, но задавать их – значит, снова не верить ей, значит, выставлять себя идиотом.

Спустя минуту напряженного молчания он сообщил ей:

– Хорошо, проверочный бой. Выпущу на тебя всех своих бойцов разом. В полную силу.

У Лин дернулось веко. Нет, она не стала ныть: «А как же Ваши слова про сертификат, про работу? Я же все принесла, а Вы обещали. Ведь сами же говорили, что один бой не показатель...»

Вместо этого она равнодушно пожала плечами и прищурила глаза:

– А кто будет работать, если я переломаю всем Вашим ребятам кости? В полную силу?

Поднялась со стула, развернулась и пошла к выходу.

До того, как предпринять третью попытку, Белинда долго листала газеты и пересматривала в интернете сайты. Уже чувствовала, где повезет, а где нет. И по всему выходило, что не повезет ей нигде.

Спорное ощущение внутри осталось лишь насчет «Кордона» – уж очень скромно они себя рекламировали. Тихо, ненавязчиво и оттого для нее привлекательно.

Бонни Трайт, когда она увидела его впервые, не показался ей ни злым сморчком, ни перекачанным идиотом. Что ни о чем хорошем, впрочем, не говорило.

«Если предложит проверочный бой, несмотря на документы, пойду работать охранником в супермаркет...»

Тогда Лин решила, что Рим насчет бумаги Тин-До и ее пробивной силы в мире силового бизнеса однозначно ошиблась.

Но Бонни взглянул на диплом Тин-До. После на сертификат «М-23».

Затем на нее.

И изрек: «Принята».

Глава 3

Тогда.

(Yanni Hrisomallis – Softly)

Над холмами расплзался и постепенно мрачнел живописный закат, уступал место наползающей тьме, манил за собой наползающую следом ночь.

Вот и кончился еще один день – маленькая жизнь.

Белинда сидела на поваленном бревне, давно приспособленным под лавочку, и натирала Тхары.

– Чисть! – приказал плосколицый, когда неожиданно возник на ее пути и наградил ношей в виде трех бубнов и одной тряпицы. – Шорк-шорк. Чтобы блеск.

«Чтобы блеск».

Белинда едва ли знала, сколько кругов нужно совершить податливым куском ткани, чтобы добиться блеска старой и желтой поверхности, но чистила прилежно. Ей все равно некуда торопиться – время течет, она течет вместе с ним. Она живет и не спешит, потому что уже поняла: чему коснуться ее в жизни, то коснется, а чему пройти мимо, то пройдет, какие усилия к тому, чтобы задержать, ни прилагай. И все из того, что коснется или не коснется, станет ей уроком.

И в этом есть правильность.

Шорк-шорк.

Чуть выпуклые тарелки украшал орнамент и письма, но их Лин прочитать не могла. Да и не хотела. Ей нравилось сидеть здесь, совершать монотонные движения, вдыхать вечер и спокойно прогорать вместе с фиолетовыми и синими

всполохами на небе. Монастырь за ее спиной будто плыл сквозь невидимые пространства, ощущался ей незыблемым и в то же время эфемерным, прозрачным.

Шорк-шорк.

Когда явился вдруг плосколицый манол и уселся справа на бревно, Белинда лишь взглянула на него, вытянула руку с бубном и полюбовалась проделанной работой – первый Тхар блестел.

– Так хватит?

Она не думала, что ей ответят. Человек, имени которого она до сих пор не знала, хоть ей однажды называли его во время церемонии приема Лин в ученики (в тот день она от волнения позабыла все имена, включая свое собственное), что-то крякнул и закурил. Дым от его трубки пах необычно – несколько навязчиво, но приятно. Аромат казался ей сложным, как абрис далекого и незнакомого города на горизонте, – множество домов, зданий, слоев, и все это мерцает. Удивительный дым. Трубка, впрочем, тоже необычная – длинная, изогнутая.

Манол делал вид, что Лин не существует. Курил, молчал, как будто медитировал.

Она принялась осторожно натирать тряпицей второй гонг.

Где он их взял? Наверное, снял с трех ворот по периметру.

– А как вы их слышите? С такого далекого расстояния? – вдруг спросила она, забыв, что с ней разговаривают. И неожиданно поняла, что уже знает ответ: все гонги соединены с плосколицым не видимыми ей связями-нитьями. И угрюмому манолу не обязательно слышать их звук, чтобы уловить вибрацию – при касании латунной поверхности вибрирует окружающее его пространство.

Поняла, и сама удивилась – откуда? И почему таких простых вещей она не могла понять раньше?

И, значит, она совершенно напрасно когда-то колотила по Тхару камнем: если бы ей не желали открыть, это бы не помогло. И звук здесь ни при чем.

Ничего, исправит свою ошибку теперь – начистит все святыни так, что станут лучше новых.

– Хех, – усмехнулся манол. Будто почуял, что ответ ей больше не требуется, затянулся и вновь ушел в прострацию.

А Белинда задалась вопросом: а нужно ли, пока чистишь, восстанавливать эти самые связи с монахом? Которые вибрируют? И сама себе ответила: нет, она не знает, как. И потому, пусть восстанавливает сам. Ее дело – натереть.

Неслышно и мягко, будто большой пушистый зверь, подкрались и улеглись сверху сумерки; ярче разгорелись по периметру стены факелы. Плыл в воздухе запах чадающих урн. Но для того, чтобы сидеть рядом и заниматься своими делами, им хватало света. Сосед все тянул из трубки воздух – шипел и потрескивал табак.

«Надо спросить Рим или Мастера Шицу, как его зовут – местного Привратника».

Она взялась за третий гонг, когда ей вдруг протянули трубку.

И Лин не стала ни о чем спрашивать – приняла изогнутый рог с горячей чашей, коснулась деревянного наконечника губами, затянулась и вся пропиталась странным горячим многослойным дымом – навязчивым, но приятным.

И тут же поплыла голова.

Прежде чем отправиться в келью, пришлось посидеть на крыше, прочистить сознание, подышать – манол однозначно курил что-то очень крепкое и совершенно иное, нежели Рим или Мастер Шицу.

«Траву, что ли?»

Она дышала медленно, подолгу задерживала внутри чистый ночной воздух и созерцала темные холмы, которые вынырнувшая луна сделала синевато-зелеными и таинственными. Дремал на их загравках пушистый лес; белый диск купался в ложе из кружевных облаков.

Не в первый уже раз за долгое время Белинда задумалась о том, почему же больше не посещает ее Мира? Ведь не зря отправила в Тин-До, наверняка чего от нее – Лин – хотела?

Да и Рим после говорила про миссию.

«Где же ты, Богиня Любви? Почему не придешь, не расскажешь, в чем был заключен великий смысл? Ведь я здесь, не уехала по четырем направлениям, проявила терпение, научилась стоять за себя, но не мстить. Дальше что? Что дальше?»

В неведомые дали тянулся до линии горизонта и за него холмистый ландшафт, скатывался по пологим бокам прозрачный лунный свет. Вдалеке белой ребристой дорогой виднелось вольно гуляющее в стороны русло реки.

Продышавшись, Белинда отправилась спать.

Тихо посапывала Рим, распластавшись на матрасе верхнего этажа койки, похожей на вагонную. Свесилась в пространство чужая мягкая и безвольная рука – чтобы улечься и не задеть ее, Лин пришлось пригнуться.

Скрипнули доски. Подушка, как всегда, пахла сыростью.

Белинда прикрыла веки и поняла, что под ними все еще плывет.

Мысленно ругая себя за то, что так беспечно курнула дурман, она провалилась в тягучий, похожий на засосавший ее омут сон.

И снилось ей странное.

(Roberto Cacciapaglia – Il Salto Dell'Angelo)

Все, что принадлежало ей в физическом мире, там и осталось – спящее на кровати тело.

Однако Лин теперь висела вниз головой. Другая она – легкая, как перышко, прозрачная, совершенно невесомая. Двинь пальцем, и полетишь в сторону; двинь рукой, и перевернешься – невероятная подвижность.

Она смотрела на ночное небо – невероятно яркие в этот момент звезды-алмазы. Внизу под ней храм, сверху бескрайний ночной купол. И мириады кристаллических огней в вышине. Она наблюдала за всем этим, зная, что спит.

Да, она спала и в то же время находилась здесь, ежесекундно ожидая, что сейчас ее разум встрепенется, поддастся панике, и странная невесомость рухнет – Лин откроет глаза в келье и поймет, что видела, возможно, самый короткий и самый необычный в своей жизни сон.

Но разум висел вместе с ней неподвижно – ни дуновения, ни мысли. И она, чрезвычайно удивленная и чуть-чуть напуганная, продолжала висеть вниз головой. Неудобно, чуждаковато, но... по-своему здорово. Здесь и сейчас стало возможно больше, нежели в обычной жизни.

Лин пошевелила пальцем, а, может быть, сознанием. И ее новое почти неосязаемое ей самой тело легко совершило поворот, и вместе с ним провернулись по спирали звезды, выровнялся горизонт, монастырь переместился под ноги, а луна на законное место в вышине.

Мир просторный и вязкий; ночь хрустальная, подвластная ей.

Вперед Белинда двинулась робко. Куда – сама не знала; направления слились. Кругом лишь гребни холмов и звон истончившейся реальности, а в голове немой восторг – здесь, во сне, она может летать, она умеет, ... она потренируется, она хотя бы успеет насладиться этим ощущением, прежде чем вернется «назад».

И забились радостью мысль о том, что не зря медитировала, сидела в тишине, знала, что однажды случится чудо. И случилось. Пусть короткое и маленькое.

Пьянила невесомость и новая контролируемая мощь, вливался внутрь эйфорией тот факт, что рамки сознания, наконец, расширились, что она... была права: Тин-До – волшебное место, и вот он... под ней со всеми крышами и башнями, отсвечивающими при луне стенами и темными оконными проемами. Вот плоские луга, вон стена, вон...

И тут она заметила свет. Вдалеке, на самой верхушке соседнего холма, там, где редел лес.

Заметила – и зачем-то, не задавая лишних вопросов, устремилась к нему.

Каким-то образом прошла сквозь плотную стену дома и зависла в углу, под самым потолком.

«Вот она, вот она, вот!..»

Мира.

Лин боялась выдохнуть.

Светящаяся женщина вышивала, и вышивка ее оживала под пальцами – колыхались на белом полотне тканые цветы, играли красками нити, ныряла в натянутую пальцами поверхность полотна и выныривала обратно тонкая игла.

Белинда нашла дом Богини Любви. А также черного Мора, дремавшего в соседнем кресле – неприятного и отталкивающего даже здесь, в ином восприятии.

Хозяева сидели к ней вполоборота и гостью, кажется, не видели.

«А здесь здорово – обои поют, спит на плите чайник, колыхается снаружи серебряным покрывалом за стеной сад», – все это Белинда не думала, но ощущала.

Значит, вот где они живут, значит, существует это место... их пристанище.

Наверное, ей нужно было уходить – все-таки чужое место и пространство, – но Лин не могла себя заставить. Когда еще в жизни она увидит во сне подобное? Лучше повисит, напитается невероятной атмосферой, послушает, как переливается звоном маленьких колокольчиков воздух. И проснется. Потом. А пока здесь, еще чуть-чуть...

– Тебе не кажется, что у нас гости? – вдруг проскрежетал сонным голосом тот, кого Белинда воспринимала сгустком подвижного гудрона.

– Да, гости, – спокойно и легко кивнула его соседка.

Мор крякнул.

– Пришла, надо же. Ты говорила – я не верил.

Сознание Лин дернулось – говорили однозначно про нее.

– Еще не пришла. Но придет.

– Висит, вон...

«Он сейчас обернется!»

Мысль о том, что мужик в черном пиджаке сейчас обернется и взглянет прямо на нее, почему-то оказалась настолько пугающей, что Белинда в мгновение ока вывалилась обратно сквозь стену.

И вновь оказалась в ночи.

Под яркими алмазными фонарями, на свободе, она успокоилась и присмотрелась к окрестности: точно, Тин-До напротив, не так далеко, как ей поначалу показалось.

И полетела к громаде монастыря.

Над плотным и густым лесом – тем самым, в котором обитали Духи.

* * *

Бурам еще не постучал в дверь, за единственным окном темень, а Рим отчего-то проснулась, повернулась на бок; заскрипели шаткие деревянные балки.

– Че, не спишь, что ли? – уловила каким-то образом.

– Не сплю, – Белинда лежала, глядя широко распахнутыми глазами прямо перед собой.

– А чего?

– Я видела ее, – выдохнула Лин.

– Кого?

– Миру.

– Где? – Уриманна еще толком не проснулась, но интерес в ее тоне проскользнул.

– Во сне.

– А-а-а, это не считается...

«Считается. Я видела ее дом – настоящий дом».

Белинда была уверена в том, что этот дом в самом деле там стоит – на вершине соседнего холма.

Интересно, знал ли Мастер Шицу?

– Слышь, Рим, а как зовут мужика, который следит за Тхарами?

– Не знаю. Бадма, что ли... Не помню точно, – слышался зевок. – А тебе зачем?

– А курит он что?

– А я почему знаю. У тебя табак, что ли, кончился?

– Не кончился. Просто дым у него интересный,... пахучий.

– Ты спи, а? Вставать скоро.

– Сплю.

Но Белинда не спала. Она думала о том, что Бадма (или не Бадма?) случайно, либо намеренно позволил ей курнуть чего-то такого, отчего ее сознание впервые вышло в астрал.

Вышло. И отыскивало дорогу к Мире.

«Я дойду туда, – думала она решительно. – Через черноту, через лес с Духами, но дойду...»

Стоило прикрыть глаза, постучал Бурам.

* * *

Сейчас.

(Chris Spheeris – Pavane)

Суть вещей Белинда постигала непрерывно: вникала в нее тем глубже, чем дольше наблюдала за миром. Когда сидела дома в тишине, когда ходила в магазин за продуктами, когда гуляла, когда возвращалась с работы с деньгами или пустыми карманами. С пустой головой, с полной мыслью, с эмоциями или без

них.

И чем больше наблюдала, тем сильнее убеждалась в том, что осознала ранее: все в природе циклично, а противоположности тяготеют друг к другу. День притягивает ночь, ночь – день, холодное жаждет горячего, горячее холодного. Голодный – быть сытым, сытый – голодным, ибо все стремится к уравниванию. И потому той же самой уравниваемости всегда будет искать женщина, тяготея к мужчине.

Только где его взять – мужчину?

Ее дом с каждым днем казался ей все более пустым, притихшим, «однобоким». И все потому, что в нем была она, но никогда не было его. И мир не бурлил, не вспенивался, не остывал, чтобы спустя какое-то время вспениться вновь, расцвести, стать полновесным. Ее мир старел в одиночку и, кажется, начал забывать о том, что существуют другие состояния.

Чтобы не прокиснуть окончательно, Лин с трудом и с моральным боем выталкивала себя из дома: гуляла по общественным местам, дважды заворачивала в музеи, один раз даже в театр, но быстро поняла, что ищет не там.

Потому что мужчина, который ей нужен, – даже если он окажется неспособным постигать суть вещей, как она, – должен иметь схожее с ней увлечение. Увлечение боевыми искусствами. Иначе не о чем говорить, нечем вместе заниматься. И пусть в остальном они будут разными.

И тогда она принялась посещать боевые клубы – сидела, зажатая плотной орущей толпой, смотрела туда, где на ринге не особенно умело колошматили друг друга молодые, но уже агрессивные парни, и вновь приходила к мысли: не то, не там, не так... Какое-то время продолжала перетаптываться снаружи подвальных помещений вместе с нервными, курящими и пустоголовыми, несмотря на часто достойный внешний вид, мужиками, – после сдалась. Поняла: чем больше желает притянуть, тем сильнее отталкивает приход в жизнь кого-то нужного. Обкрадывает сама себя.

И, значит, остается Джон – человек с ярко-выраженной мужской (пусть и чужеродной) энергией, чьим присутствием она может наслаждаться.

Хоть от этого присутствия затягивалась на сердце петля...

* * *

Три следующих дня в плане работы стояло затишье, а на четвертый прислал необычное сообщение Бонни:

«Жду в офисе в три. Машина за тобой приедет».

И ни тебе указания сложности задания, ничего – куце, сухо и необычно.

Не надумывая лишнего, Белинда в половину третьего уже шагнула на скрипучее крыльцо, заперла за собой дверь и подняла лицо к небу – посмотреть на облака, подышать осенней прохладой.

* * *

Их клиент оказался человеком для «Кордона» необычным – немолодым мужчиной, с седой, коротко стриженной бородой. Интеллигентом. Одет неброско, но ладно – в выглаженную голубую рубашу и брюки со стрелками; коричневая курточка висела у двери.

Остальные уже расселись за столом; она вошла в кабинет последней. Упала туда, куда указал шеф, и, кажущаяся себе глистом из-за того, что облачилась в тесную черную водолазку и такие же узкие черные штаны, принялась слушать.

– Меня зовут Иан. Иан Роштин. Здравствуйте! – дядька зачем-то кивнул ей – видимо, с другими уже поздоровался. – И я у вас по такому вот странному вопросу...

Он умолк. Потеребил старомодный платок на шее, потер запястье под ремешком часов, несколько раз моргнул, отчего Белинде на ум пришло слово «кроткий». Весь Иан был аккуратным, тихим и довольно «кротким». Говорил тихо и ненавязчиво, длинных фраз старался не строить.

– Я – филателист. Собираю марки. У меня довольно большая и в целом редкая коллекция, состоящая из множества наборов. Конечно, для большинства моя довольно безобидная забава не представляет интереса, но для некоторых... Как выяснилось...

– Дорогие у вас марки? – Бонни привык задавать вопросы в лоб.

– Да, – на этот раз Иан потер шею под платком, – есть очень дорогие. И из-за них я, собственно, здесь.

Оказалось, что днем мистер Роштайн преподает в университете Нордейла науку под названием «Прогнозирование социальных объектов и связей», а по вечерам часто встречается с соратниками по увлечению – другими филателистами. Все спокойно, чинно. Но недавно Иан, несмотря на то, что в средствах стеснен не был, поддался на уговор друга и выставил ценный набор Туллийских марок на аукцион. И с той минуты покой кончился. Коллекция была замечена и даже оценена по достоинству. Но, несмотря на желание Роштайна обменять свои марки на другие – не менее редкие с острова Лайяте, – а не продать, как того хотели многие, – на его телефон начали поступать звонки. Ценники озвучивались от смешных до баснословных, но мужчина был непреклонен: (не менялся –) «Нет, желаю обменять, а не продать».

Вот тогда настало время угроз.

– Понимаете, поэтому я и хочу, чтобы со мной теперь кто-то был. Не подумайте, я не трус, но в доме одному мне стало некомфортно. Вашему человеку я оплачу и еду, и питье, но пожить он должен будет у меня. Днем, конечно же, у него будет свободное время – отменять занятия в университете я не намерен, но с вечера до утра...

Почти одновременно с этим высказыванием Белинда потеряла к разговору интерес: понятно ведь, что Роштайн выберет мужчину. Мужчине с мужчиной всегда проще, комфортнее и легче. Одна логика, одни и те же мыслительные цепочки. И ладно бы работа на день, но тут совместное проживание. Это однозначно кусок хлеба не ее – зря Бонни позвонил. Хотя он должен был показать клиенту всех – вот и показал.

Теперь вместо того, чтобы прислушиваться к дальнейшим пояснениям Роштайна, Лин втихаря разглядывала коллег: насупленного Рамчини, который, заметив ее взгляд, подмигнул; собранного Алека Тугана, выступавшей вперед челюстью напоминавшего ей бульдога; неприметного, но юркого и цепкого умом Квентина Ороро; рыжеватого, но в целом симпатичного Нейтана Буча.

«Почему она не может заболеть, например, им – Бучем? Что еще нужно? Высокий, крепкий, приятный, неглупый... Почему все время Джон?»

Вот только между Мастером Мастеров и Бучем разница была, как между каньоном на севере от Альвелло и трещиной на асфальте. И плевать, что на внешность оба хороши, а вот энергия...

Далась ей эта энергия.

Но ведь сердцу не прикажешь?

– ...оплатой не обижу – за месяц готов заплатить тридцать тысяч. Если вдруг окажется, что тот, кто угрожает мне, обнаружит себя и услуги телохранителя более не понадобятся, я не буду требовать частичного возвращения средств.

Предложением Иана заинтересовались все, включая Бонни, – Лин видела, как тот сцепил в замок лежащие на столе пальцы и почти незаметно напрягся. Желал, чтобы выбрали его? По насупленным бровям видно, что уже продумывает схему удаленного командования «Кордоном» и жизнь под чужой крышей...

Ей плевать. У самой наличности хватает, еда в холодильнике есть. Когда встреча завершится, она вернется домой и займется приготовлением теста – давно не баловала себя варениками...

– Можете выбрать любого из нас. Здесь присутствует полный состав.

– Тридцать тысяч – ведь это более чем достаточная плата?

Мужчины благодушно кивнули, нацелили взгляды на заказчика. Одна лишь Белинда, откинувшись на спинку стула, смотрела в окно.

«Вареники с творогом или вишней? Творогом или ви...»

– Хорошо. Я, если вы все не против, выбираю ее.

И тут же зашуршала одежда – взгляды присутствующих синхронно сползли с профессорского лица и переместились на Лин. Которая от неожиданности качнулась на стуле.

– Да, – кивнул Роштайн. – Вашу... женщину.

На этот раз Рамчини не подмигнул – его веко на секунду свел нервный тик.

* * *

В коридоре она стояла все еще оглушенная и не могла понять, что чувствует. Радость? Страх, потому что только потеряла гибкость собственного графика? Беспокойство из-за того, что в Тин-До ее учили, как драться, но не обучали премудростям жизни в роли личного охранника?

Нет, радость все не приходила, а вот волнение росло.

– У меня тренировки вечером в пятницу, которые я не могу отменить, – довольно угрюмо призналась Лин Роштайну.

Но тот махнул рукой:

– Ничего, в это время я могу задерживаться в университете. Так что, все в порядке.

И она не нашла больше слов – зашагала следом за бородатым мужиком, как раб на невидимой веревочке.

Дальнейшие пояснения сыпались уже в машине:

– Водителя я тоже нанял недавно – опасаясь передвигаться по улице. Но это восприняли нормально – в последнее время у меня ныли ноги, и я часто использовал трость. Так что он подозрений не вызвал, как не вызовете и Вы, если я одену Вас в одежду горничной. Вы ведь не будете против?

Против костюма? Да ей почти все равно – лишь бы не стеснял боевых движений, а там хоть в карнавальный колпак клоуна да перчатки фокусника...

Иан от молчания смутился:

– Простите, если оскорбил Вас. Понимаете, присутствие постороннего мужчины в моем доме покажется странным. К тому же, если поползут слухи о том, что я нанял телохранителя, мой недоброжелатель может залечь на дно. А я бы этого не хотел. Не хотел жить в постоянном страхе, понимаете?

Это Белинда понимала хорошо – когда-то она сама жила в состоянии перманентного беспокойства и возвращаться к нему не желала. Как не желала испытывать его другим.

Наверное, в ее глазах мелькнуло сочувствие, потому что Роштайн выдохнул облегченно.

– И не думайте, пожалуйста, что Вам на самом деле понадобится убирать в моем доме, мыть посуду, полы или что-то такое. Это другие пусть думают, что я нанял Вас именно для этого. Правда, иногда прикидываться, что Вы делаете это, придется. Вы сможете?

– Смогу.

Конечно, придется. Наблюдать за всеми, кто приходит в дом и уходит из него – помахивать пипидастром, подливать гостям кофе, улыбаться в ответ на шутки. Возможно, скабрзные. И хорошо, если ее новая юбка не окажется слишком короткой.

Неужели придется вернуться к каблукам?

Лин передернула плечами.

- Встречать Вас из института мне нужно будет с водителем?

- Необязательно. Этот автомобиль бронированный. Ивар тоже имеет кое-какую военную подготовку – если покидает машину, то после обязательно осматривает ее перед заведением мотора. В общем, я продумал все, что сумел.

Да, страх – великая вещь. Он заставит продумать все на эту жизнь, а также на следующую. Чтобы точно не страшно.

- А как насчет еды? Кто ее покупает?

Лин нервничала, потому что не успела морально перестроиться из-за внезапно нагрянувших в жизнь изменений, а чужая машина уже уносила ее прочь от офиса Бонни.

- Еду тоже покупает Ивар. Готовим мы по очереди; признаюсь, я это делаю лучше, – от усмешки в уголках глаз залегла сеть из морщинок. – Готов составить для Вас специальное меню, если потребуется. Ой, простите, я ведь не предложил Вам перевести ко мне вещи. Вам есть что перевозить?

- Есть.

- Конечно, еще раз простите старого болвана. Диктуйте адрес.

Спустя мгновение автомобиль вывернул в том направлении, где над воображаемой картой Нордейла – над домом номер двадцать четыре по улице Вананда – мигала невидимая стрелка.

В собственной гостиной она стояла вот уже минуту и все никак не могла сообразить, что из вещей брать – хотела ведь делать вареники...

И следом: «Придется отложить. На месяц».

Трусы, носки, полотенце, бритвенный станок... – поползли, словно точки и тире по бумажной полосе, монотонные мысли.

Какую-то одежду...

Торчали из цветочного горшка воткнутые в песок ароматические палочки – их брать с собой точно нельзя. Мало ли: аллергия, незнакомый запах, куча ненужных вопросов. Тоже отложить на месяц.

А следом по-волчьи голодный взгляд через панорамное окно во двор – а тренировки? Ведь там ее купель, там ее дорожка для утренней пробежки, там...

Белинда обрубилась сама себя жестко, как это сделал бы Бурам – Иан сказал, что у меня будет свое время. На тренировки его хватит. И пора уже собираться.

Вещи в сумку она покидала быстро: одежда, обувь, белье, гигиенические принадлежности.

Долго стояла, не в силах решиться на что-то конкретное, перед мандалой.

После подошла к стене, осторожно открепила рисунок Мастера Шицу, свернула его трубочкой и сунула в боковой карман сумки – так, чтобы не помялся.

* * *

Дом Иана ей понравился неожиданно просторным холлом, обилием деревянных панелей на стенах, старинными часами ростом почти до потолка в фойе и потертыми комодами. Все на месте и всего в меру – редкое сочетание для любого интерьера. Пара кадок с цветами в каждой комнате, мягкие кресла, много полок с книгами; Белинда вдруг поняла, что здесь ей не будет тяжело. Старая усадьба каким-то образом отражала характер хозяина – выглядела опрятной, но не заносчивой, со своим непростым характером, но... «доброй».

– Комната наверху Вам подойдет? Или есть предпочтения?

Прежде чем определиться с комнатой, Лин обследовала их все.

– Я займу ту, что соседствует с Вашей спальней.

– Я так и думал.

Роштайн действительно хромал, но присутствие в доме не просто женщины, но женщины-защитницы заметно поднимало ему настроение. Хозяин старался быть любезным изо всех сил:

– Белинда, верно? Могу я называть Вас Лин? Для Вас я всегда Иан. Не желаете ли перекусить, отдохнуть? Разложить свои вещи? Осмотреть дом, может быть. Простите, я, наверное, слишком на Вас наседаю...

Оказавшись в месте, которое ей следовало тщательно изучить, Лин будто пришла в себя: успокоилась, обрела былую ясность мышления; кое-как усадила хозяина дома на диван, сама уселась напротив. Задала тот вопрос, который хотела задать еще в машине:

– Мистер Роштайн...

– Иан.

– Иан. Вы, может быть, хотели бы увидеть мои бумаги? Дипломы?...

– Нет-нет-нет, – ее новый сосед по «дому» замахал руками. – Не стоит.

– Но почему?

Ее действительно это интересовало.

– Потому что «Кордон» на весь Нордейл славится лучшими бойцами.

Да? Она не знала. Хоть и не удивилась.

– И, если Вы сидели в кабинете Бонни Трайта, значит, Вы тоже одна из лучших. По-другому быть не может.

Ей впервые за все это время стало тепло и чуть-чуть «гордо» за себя.

Приятно, черт возьми, когда тебя хвалят и принимают. И почему-то снова вспомнилась Рим.

- Так Вы хотите отдохнуть?

- Я бы предпочла послушать о Ваших угрозах. Все в деталях.

- Без чая?

- Чай позже.

- Хорошо.

Глухо стукнулась о деревянный край дивана отложенная резная трость.

Тогда.

(Cesair - The Ruin)

С тех пор как случился сон с полетом, Белинда потеряла всякий покой и теперь - медитируй-не-медитируй - вернуть его не могла. Голова ее, как флигель на высокой башне, все время смотрела в сторону южного холма - того, где, как ей помнилось, стоял среди высокого леса домик Миры.

Она должна туда добраться. ДОЛЖНА.

Эта идея-фикс взбудоражила весь привычный мирок, растрясла его, как выбиваемый хозяином половичок, и вскоре привела к тому, что Лин более не могла должным образом сосредоточиться ни на одном выполняемом задании. Ругался, глядя на непоседу во время растяжки, Бурам. Ругался, когда она вдруг стала заглатывать пищу кусками, Ума-Тэ.

- Эй, ты чего? Ты не ешь - ты жрать!

Но Белинду несло.

Вся ее тщательно сдерживаемая жадность до мирского неожиданно взорвалась неукротимым вулканом: проснулась нужда в информации, проснулся заодно и волчий аппетит. Она перестала наедаться мелкими порциями, просила добавки.

После обеда подловила Рим и принялась требовать:

- Расскажи мне про лес с Духами, а?

Пордруга набычилась.

- Отвали.

И вернулась к чтению свитков.

- Ну, расскажи, мне надо...

- Дай посидеть в тишине, а? Я занята.

- Рим, ну..., ну, жалко, что ли? Мне очень надо, слышишь?

- Очень надо - так иди туда и узнай все сама!

К Лин демонстративно повернулись задом.

Идея добраться до Миры не отступала - Белинде казалась, что вот теперь, наконец, сложилась вся картина ее пребывания в монастыре. Мира привела, монахи обучили, а теперь Лин должна снова отыскать Богиню Любви для того, чтобы та поведала ей великий смысл своей сложной затеи. Ведь не зря звезда на ладони? Не зря Рим проболталась про миссию... Все сложилось один к одному, как в мозаике.

Осталось пройти через лес.

Но к кому же обратиться? Кого спросить?

И вспомнилось ей вдруг про Бадму.

– Скажите, где искать человека с Тхарами? Бадму. Привратника...

В имени она до сих пор не была уверена, и главный повар – высокий, плотный, если не сказать толстый, – монах поначалу нахмурился, не понял вопрос.

– Монах. Тхары. Ворота.

Она вовсе не была уверена, что манолы на кухне знали язык внешнего мира.

– Будму?

Через паузу переспросили ее, и Белинда, потев на кухне, как рыбина на жаркой сковороде, быстро и часто закивала.

В проводники ей выдали тощего парнишку на переднике которого красовались разводы жира и висели крошки капустного листа.

Плосколицый жил в комнате с печкой, похожей на ту, куда ее временно поселили после апартаментов с дырой в стене. И, когда она вошла, он заваривал не то чай, не то настой из трав в ковшике на закопченной чугунной плите; ноздри трепал ярко-выраженный запах кардамона.

«Здорово, дядька...» – почему-то хотелось сказать Лин, но вслух вырвалось, как у школьницы:

– Здравсьте!

Манол развернулся грузный, как медведь, глянул на нее хмуро, почти сразу потерял интерес. Вернулся к ковшику.

- Послушайте, я хотела у Вас кое-что спросить...

Ее жажда поговорить перерастала всякий страх перед недоброжелательностью.

- Дрась, - буркнули ей.

«Спасибо хоть не «дрись»».

От слова «сдрисни».

- Будма? Вас ведь так зовут?

Она и сама знала, что он мог ответить: меня звать не надо, я сам приду, когда потребуется.

Но разговор завязать нужно.

- Вы можете мне рассказать про лес с Духами? Пожалуйста. И еще - не знаете ли Вы, стоит ли на вершине южного холма домик. Вы туда не ходили?

Ходил или не ходил - она не узнала.

Но узнала - частично и кривовато перевела с манольского - про любопытных людей, которые суют свой нос туда, куда не требуется, про дураков, которые тревожат духов, а после про хороших людей, которые от этого страдают. И еще что-то про Великие Молитвы, дожди, шеи, которые нужно намылить. А так же пару новых манольских ругательств впридачу.

Дверь с обратной стороны она закрыла пристыженная и еще более потная, чем пришла с кухни.

И ладно. И черт с ним.

Все равно она найдет способ.

Потому что уже надулись в душе у странника невидимые паруса, потому что задул из ниоткуда волшебный ветер, потому что пришла ей пора действовать.

В ту ночь Мастер Мастеров прервал тренировку, не дождавшись окончания. Взглянул на ученицу так, будто собственноручно был готов дать ей по шее.

- Ну? В чем дело? - спросил отрывисто, непривычно грубо.

- Не ругайтесь, пожалуйста, не злитесь...

Она походила на избитого и напуганного зайца - вся в синяках, трясется.

Джон медленно вдохнул, еще медленнее выдохнул. Его фигура привычно тонула в лунном свете; вокруг стеной стоял лес, между черными стволами которого ей приспичило вскоре прогуляться.

- Говори. Чем у тебя голова забита?

- Духами.

- Какими духами?

Она любила эти глаза - цепкие, пронизательные. Даже поджатые губы любила. А еще ощущение, что хоть и злится, все равно всегда поможет.

- Теми, которые в лесу.

- Откуда мысли? Зачем тебе?

И она поняла - придется врать. Потому что даже под пытками она не признается в том, что собирается попытаться отыскать домик Богини, что готова идти к нему, даже если дорогу ей преградят чудовища. Не зря же она учится драться.

- Понимаете, мне сон приснился. Как будто сон... и не сон. В нем я поняла,... что должна пройти через лес.

- Ты?

- Вы только не смейтесь, ладно? Я знаю, что, наверное, не готова... Но расскажите мне, пожалуйста, про духов - что это? Кто это?

Мастер мастеров, глаза которого в неверном серебристом свете казались темными, а лицо, наоборот, бледным, состроил выражение лица, напомнившее ей про Будму - мол, задаешь не те вопросы, думаешь не о том.

- Пожалуйста, хоть что-нибудь. Вы ведь к ним ходили, елку принесли, и они Вас не тронули...

- Меня. Да, - отрывисто и довольно цинично изрек Джон.

- А меня тронут? Причинят мне какой-то вред - физический или моральный? Что у них за... структура?

Ей помнилось про Рим - про ее временное помутнение рассудка после подобного похода.

- Тебе что-то даст объяснение структуры? - над ней насмехались. - Хорошо, слушай: аморфная, нетипичная, с растекшимися G-полями, атропированная под изменение под воздействием пространственно-временной кривой типа Атрион...

Лин казалось, что в нее только что плюнули и что теперь с лица, с волос и тела стекает склизкая, густая и вонючая жижа. Куда там Будме с его ругательствами?

- А насчет причинят вред или нет, - как ни в чем не бывало завершил Мастер Мастеров, - это зависит от личности. И ее зрелости.

В ту ночь, шагая назад к монастырю, они впервые не проронили ни слова. У дверей попрощались комкано и сухо, как интеллигентные и частично разочарованные друг в друге любовники.

Джон ушел в ночь. Лин нырнула во мрак коридора.

* * *

Стеклянные шарики, падая в пыльное потушенное костровище, звонко ударялись друг о друга боками.

Рим выигрывала. Она, неспособная внять наставлениям Лин на тему «учись быть собой», браво пыталась казаться лучшей среди парней. Чтобы после стать лучшей для Лума. Но последний на соперников по игре не смотрел вовсе.

Рим постепенно мрачнела и теряла азарт. Наблюдало за игрой и влезшее в комнату сквозь узкое окно постаревшее к вечеру красное солнце.

Белинда вычищала грязь из-под ногтей. Ей вообще не до игры – ей бы потухнуть, как угольку, на который многократно плеснули воды, но она все еще тлела изнутри, хоть и не представляла, в каком направлении теперь двигаться. Без подготовки в лес не сунешься, а перестать думать о домике Миры она не могла. Интуитивно чуяла, что если бросит задуманное, жизнь пойдет не так, неправильно.

– Эй, чего не играешь? Потому что чужие шарики? Смотри, что я принес...

И подсевший по соседству Ума-Тэ вдруг достал из-за пазухи закрученный веревочкой тканевый мешочек. Развязал узел, показал Белинде содержимое.

– Это тебе.

Красивые, нежно-зеленые. Здесь шарики у каждого были свои, но, где их доставали, Лин не имела ни малейшего понятия – выдували в некоей мастерской? Заказывали из внешнего мира? Каким-то образом покупали? Подарку Умы она подивилась, обрадовалась и чуточку смутилась, хоть и знала, что тот предлагает от «открытого сердца» и безо всякого подвоха.

– Спасибо.

Зеленых в игре не было. Были фиолетовые, розоватые, темно-красные, коричневые, желтые...

- Ты одна с зеленым.

Она вместо ответа улыбнулась. И тут же снова скисла. Шарик – здорово, но ее проблемы они не решали. С тех пор как она пыталась поговорить с Будмой, а после с Джоном прошло два дня. И ни единого шага вперед – обидно.

- Чего не веселая?

- Да... так.

Ума отлично чувствовала ее настроение. Не отстал и на этот раз.

- Расскажи, легче стать.

Арвай, сумевший выбить шарик Рим из центра, неожиданно подобрался ближе всех к победе и потому разулыбался. Соперница с ирокезом бросила на него циничный взгляд – мол, еще не вечер. Освещенные солнцем камни делались все темнее; лучи уползали за гору.

- В лес я хочу, Ума, – призналась нехотя Лин. Сама не зная, зачем.

- В лес?

- Да, в лес – с Духами.

- Пройти, что ли?

- Угу.

- Вот это ты придумала! Хочешь экзамен сдать досрочно?

- Какой еще экзамен?

Она теребила в руках завязки от мешочка. Нужно, наверное, спросить Уму, где достал, восхититься, – тому будет приятно.

Но он и так не обидится – не тот человек. А ей не до восхищений.

– Лес с Духами – это один из последних и самых сложных экзаменов.

– И его никто не прошел?

– Почему же? Тоно прошел...

– Правда?

И от того, как она вздрогнула, выскользнул вдруг из рук мешочек, и раскатились по полу нежно-зеленые шарики.

К чужой келье она шла, волнуясь. Вновь гулко стучало сердце, трепал в груди ветер не опущенные еще паруса корабля под названием «Надежда».

«Он сейчас медитирует», – пояснил Ума. И Белинда надеялась, что Тоно – самый старший из всех учеников, похожий больше на зрелого мужчину, нежели на пацана, – не обидится, что его прервали, и не выставит гостью за дверь.

В деревянную дверь она постучала дважды – сначала тихо, затем громче. После отворила ее сама, заглянула и охрипшим от страха голосом спросила: «Можно?»

– Ты ведь прошел – расскажи мне. Пожалуйста!

– Что именно ты хочешь знать?

– Про Духов – какие они? Кто они? Как с ними бороться?

– Бороться?

Она все-таки выдернула его из медитации, но манол не обиделся – мудро сообразил, что даже непрошенные гости – явление всегда неслучайное. И потому удалиться Лин не попросил – наоборот, указал ей на единственный стул,

сам же остался сидеть на кровати, лишь босые ноги спустил на пол, чтобы не затекали.

Их с Арваем келья выглядела чуть уютнее, чем та, в которой они ночевали с Рим. Кровать не двухэтажная, а две напротив, как и полагается. Окна в стене нет, но зато несколько рисунков на стенах – видимо, подарки Шицу. А, может, нарисовали сами. В углу ютилась деревянная тумба с двумя дверцами.

– Пока ты думаешь, что нужно бороться, не ходи туда – не пройдешь.

«Хорошо, что он говорит на моем чисто, как Лум. Хорошо, что понимает все слова...»

– А что же делать?

Лин ерзала на стуле, как девчонка в цирке, дожидаясь выхода гвоздя программы – самого большого и красивого льва.

– А что ты вообще о них знаешь, о Духах?

– Ничего.

И стало от собственного ответа на душе тускло, как будто пропечатался штамп на входном билете – «льва не показывать».

Тоно вздохнул. Но надменным или поучающим, как она того боялась, не стал. Решил объяснить:

– Духи там – это не совсем духи. Это энергия – чужие и наши высвобожденные эмоции, понимаешь?

– Нет...

– Эмоции в чистом виде. В сгустках.

– То есть монстров нет? И совсем не страшно?

– Страшно, – манол нахмурился, – потому что эти энергии, если их в себе задержать, становятся куда страшнее монстров.

– Поясни. Пожалуйста, поясни еще...

И он пояснил: когда войдешь в лес (а ночь – это время «духов», та точка, когда они активируются), эмоции устремятся к тебе, потому что ты живая, ты человек и, значит, возможное пристанище для них. Кому же хочется существовать без пристанища? И, нет, они когда-нибудь расформируются окончательно, устремятся в своей форме к абсолютному нулю, но их место займут новые. И, нет, они не заканчиваются. Нападать они на тебя будут не разом, а по очереди, если сможешь эту очередь выдержать. А чтобы выдержать, нужно уметь пропускать их через себя, не задерживая. Стала пустой, освободилось место, и его тут же займет новая. И надо снова освободить...

Лин переваривала эту информацию, как камнедробилка порцию щебня, – жадно, но с трудом.

– Значит, отбиваться от них не нужно?

– Не нужно. Как от своих, так и от чужих. Ты поймешь, если готова, если действительно хочешь себя испытать.

– Если не отбиваться, значит, это просто?

– Просто? – и на нее посмотрели, как на глупого щенка, пытающегося зубами вытянуть из земли фонарный столб. – Если ты научишься этому, ты поймешь... многое. Саму жизнь в ее основе.

– И ты понял? – не удержалась она от вопроса.

– Я понял. Еще до леса. Но чтобы научиться жить так каждый день, нужно время. И потому я здесь.

Из Кельи Тоно Белинда вышла, сбросив с души один камень, но тут же водрузив туда другой.

А она готова пройти лес?

* * *

– Мастер Шицу, а... если я скажу, что хочу пройти лес с Духами, Вы мне запретите?

– Человеку никто не может ничего разрешить или запретить, кроме самого человека.

– Значит, не запретите?

– Нет.

– Но и не похвалите, возможно.

Старик курил молча. Лин иногда казалось, что он вообще никогда не слезал с этого узорчатого коврика, и реальность его состояла из клубов дыма и неких внутренних видений, заменяющих настоящую жизнь. И хоть она знала, что на самом деле все не так, думать об этом было странно и заманчиво, словно раскручивать сюжет фантастической книги.

– Я ведь могу и ошибиться, так?

– Можешь.

– Но и ругаться Вы не будете...

Не вопрос – утверждение.

– Не буду.

– Почему?

– Потому что это твоя жизнь. И в ней у тебя есть право на ошибки.

* * *

(Yanni Hrisomallis - Whispers In The Dark)

Еще никогда ответственность за собственные действия настолько всецело не лежала на ней самой.

Вновь ночь и вновь крыша монастыря. Никого вокруг – тишина и безмятежность, покой далеких холмов.

Что же делать?

Крутилась в голове последняя фраза Тоно: «В лес нельзя сделать шаг и податься обратно, нельзя попробовать. Если ступил, придется идти до конца».

Рим не прошла.

А она – Белинда – пройдет?

В нее не верил Будма, и, судя по всему, не верил Джон. Шицу оставил право выбирать.

Но верила Мира.

Верила, иначе когда-то не нарисовала бы звезду на ладони, не привела в монастырь, вообще не появилась бы на мосту.

А Лин в себя верит? Сможет теперь сделать шаг вперед, не зная, к чему это приведет? Умеет ли она делаться пустой от эмоций?

Навряд ли, потому что дрожит даже сейчас – теплой и безветренной ночью.

А звезды над головой сияли ярко – почти как во сне. И там ей было не страшно летать – там простое шевеление пальца претворяло в жизнь чудо полета; там

она видела, как Богиня Любви сидит в кресле, вышивает. В том сне цветы на обоях тихонько пели, и светились золотым растения в ночном саду. Там Мира сказала: «Еще не пришла, но скоро придет...»

А придет ли?

На внешне спокойную Лин накатил вдруг жалость к себе, и проложили по щекам дорожки теплые непрошенные слезы.

* * *

Сейчас.

(Danny Wright - Daydreams)

Делать два дела сразу – занятие утомительное и неблагодарное. Насколько именно, Белинда оценила только сейчас, когда две равные по значимости задачи боролись, как дворовые хулиганы, пытающиеся кулаками и пинками выяснить, кому быть «царем горы». Горой, понятное дело, являлось ее внимание.

И от этой драчки в собственной голове она уже порядком утомилась.

Роштайн преподавал в институте. Потому что за окном два часа дня и дождь, под которым она мокла, снова глядя на забор. Проверила, хорошо ли получилось установить мысленную сигнализацию – все ли сделала верно, все ли работает?

Должно. Потому что трудилась по инструкции, которой с ней некогда поделился Будма. Поделился щедро и совершенно неожиданно, когда она, перед тем как покинуть Тин-До, решила отплатить Тхарам за гостеприимство – без разрешения сняла их с четырех ворот, принялась начищать. Вот тогда-то к ней и подошел немолодой и недобрый обычно манол – присел рядом, вопреки обыкновению заговорил первым. Рассказал, как настроить пространство так, чтобы оно «звучало».

И теперь она настроила. Впервые в жизни. Отчаянно хотелось верить, что все сварганено верно, что зазвучит, когда сунется враг. Если сунется.

Нити, которые Лин мысленно натянула еще вчера, виделись ей и сегодня – значит, все будет хорошо. Будет... Нужно только еще раз обойти периметр – приглядеться, убедиться, проверить...

А в голову, как назло, лезло другое: завтра тренировка с Джоном. Та, после которой она (по своему же решению) хотела ему признаться в личных чувствах. Чтобы либо «да», либо «нет», либо «иди к черту». Ей бы проще хоть как – даже «к черту» и то лучше, чем как сейчас...

Но так неожиданно случился весь этот поворот – переезд, смена обстановки, новые обязанности, – и она совершенно не подготовилась морально, не продумала речь.

Белинду внутренне гнуло и корежило. Она не готова, она... И при мысли о будущем разговоре у нее завязывался в морской узел желудок и подкатывал к горлу похожий на комок затвердевшей ваты ком.

«Осмотри периметр...»

«Готовь эту долбанную речь...»

Кажется, в ее голове снова ожила херня. Даже две.

Она не успеет подготовиться, потому что никак не может сосредоточиться, потому что нужно в который раз пройтись по дому – проверить пути доступа внутрь, осмотреть оконные и дверные замки, потому что...

Хотелось взвыть.

Завтра тренировка. Завтра она хотела ему сказать... Уже завтра.

Почему Мастер Мастеров – единственная тема в жизни, при мыслях о которой почва под ногами становится не твердой, но непрочной, жидкой и даже как будто вязкой? Опасной, как каток, и дурной, как чмокающая под подошвами

гудроновая лужа.

На лицо капало. Из кухни тянуло жареной рыбой.

– Поджарил три. Тебе, себе и Иану на вечер, – сообщил стоящий у плиты Ивар. Сегодня была его очередь кашеварить. – Ты ешь рыбу?

– Я все ем.

– Молодец.

Она до сих пор не любила оценки.

«Молодец/умница/дурочка/криворучка/кривождопка»... Как можно быть «молодцом» только потому, что способен без отвращения на лице съесть любой или почти любой продукт? Все можно напитать правильной энергией и употребить так, чтобы не взбунтовалось, но вобрало в себя нужные элементы тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/veronika-melan/posledniy-frontir-tom-2-chernyy-les>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)